

ИЗ РОДА КНИЖНИКОВ-КРЕСТЬЯН

О судьбе писателя, не забывшего своих корней

В наступившем году Льву Николаевичу Смоленцеву – писателю и общественному деятелю, много сделавшему для возрождения православия в Коми крае, – исполнилось бы 85 лет. В январе в Сыктывкаре в доме-музее И. А. Куратова прошли юбилейные Литературные чтения, на которых среди прочего была представлена только что вышедшая из печати книга «Земле и небесам внимая». Её автор-составитель – сотрудник нашей газеты. Вот что он рассказывает.

Один в поле

Трудно писать о «жизненном и творческом пути» человека, с которым, кажется, ещё вчера разговаривал. Бывая в Доме печати по своим писательским делам, он заходил и в редакцию «Веры». Высокий сухопарый старик с окладистой бородой сразу же заполнял собой весь кабинет. Усадить его перед чайными чашками было проблематично – колени упирались в низкий столик. Специально для него освобождали в углу кресло, обычно заваленное журналами, и вот чаепитие начиналось. Слово за слово, Лев Николаевич начинал что-нибудь рассказывать, и с лёгким сердцем можно было забыть, где ты находишься. Рассказчиком он был замечательным. Сняв очки, добродушно шурился: «А ещё однажды у нас на Печоре...» Вспомнив пару «печорских» случаев в пору, когда он возглавлял колхоз в Усть-Цилемском районе, писатель незаметно пересаживался на своего «конька» – начинал говорить о святителе Стефане Пермском...

Лев Смоленцев

Кто-то, помнится, назвал Смоленцева «писателем одной темы». Это не совсем так. Но образ святителя Стефана и вправду занимал его всю жизнь. Ещё в 1960 году, учась заочно на истфаке, он собирал материалы о Стефане Пермском, взяв благословение на это у Патриарха Пимена. В 80-е годы под давлением обкома партии из его книги «Вьюга» прямо в типографии было изъято 54 страницы о святителе Стефане. Из-за Стефана его травили в советской прессе вплоть до 91-го года, и писатель всячески этому противостоял. Позже, как это бывает, заряд конфликтности маятником ударил в противоположную сторону – писатель попал под церковные прещения. Так получилось, что Лев Николаевич много сделал для восстановления в Коми «своей» епархии, «какая была при святителе Стефане». Встречался с руководством республики, ездил в Москву. Когда же епархия открылась, то он оказался вроде как не у дел. Молодой деятельный епископ, назначенный на Сыктывкарскую кафедру, создавал приходы «с нуля», проводил свою кадровую политику, а пожилой писатель критически на это смотрел. Как мне показалось тогда, он мысленно оставался в Стефановом времени – и было трудно ему состыковать свои книжные представления с современностью.

По жизни Смоленцев был «один в поле воин». Когда я взялся готовить очерк о нём, то первым делом пошёл в правление Союза писателей. Там мне дали «Дело» – тонкую папочку, в которой лежали автобиография Смоленцева, три рекомендации и две вырезки

из газет «Коми му» и «Вера». Удивила надпись на папке: «Принят в СП в 1995 г.». То есть в Союз он вступил, когда уже были написаны «Печорские дали», «Последний скит», «Голгофа России», «Чаша спасения» – все главные его книги! Такой вот «несоюзный» человек, родившийся и выросший в Советском Союзе.

К началу 80-х Смоленцев был уже состоявшимся человеком – фронтовик, председатель колхоза, директор профтехучилищ Сыктывкара. И вдруг, неожиданно для знакомых, с какой-то кряжистой крестьянской основательностью он засел за литературные труды. Что он мог сказать этому миру? Что им двигало? Сам Смоленцев объяснял это «родовой идеей», которая требовала выхода не только в делах крестьянских, но и в молитве. «Предки мои внимали пятками земле, а макушкой – Небу», – говорил он. И в книгах своих пытался создать образ русского человека, крепко стоящего на земле, но устремлённого к Богу.

Кирпичи Матвейча

Большой Сабанер, примерно 1980 г. Фёдор Матвеевич – первый слева в нижнем ряду; его брат Александр Матвеевич – второй слева в верхнем ряду на фоне ворот.

Начав исследовать историю рода Смоленцева, я сразу же наткнулся на такого «земного и духовного» человека. Им был дед Льва Николаевича – Фёдор Матвеевич Смоленцев. Обладая большой физической силой (разгибал подковы, без нагрева завязывал в узел кочергу), этот крестьянин был весьма богобоязнен и по-книжному образован. Даже проводил кое-какие исследования касательно своего родословия.

В своей последней неизданной книге «Житие по Сталину» Лев Смоленцев пишет: «По Свяжскому летописному своду, откопанному моим дедом Фёдором Матвеевичем в бытность его в Казани в доверенных приказчиках фабриканта Лафузова, наш далёкий предок, “боярский сын Каллист Смоленский со товарищи (с дружинниками)

Грязцом да Шарком”, был отпущен архиепископом Германом из своего полка “на христианское обжитие черемисских земель” после покорения Казани в 1552 году».

Черемисские земли – это нынешняя Марий Эл. Дом Каллиста построил в местечке Сабанер, близ границы с Вятским краем. Спустя века потомки «боярского сына», обжив Сабанер, стали обычными крестьянами. Хотя что значит «обычными»? Тот же Фёдор Матвейч имел хоромы «на барский манер», которые, наверное, были не хуже, чем у Каллисты, – со светлицами, горницами, книжарней (читальной комнатой с книгами), с молельней. При доме имелись 70 десятин земли, скот, кони. Кроме этого, крестьянин имел

небольшой цех по производству кирпича. С этими кирпичами, надо сказать, произошла примечательная история.

Когда-то газета «Вера» печатала статью вятского краеведа Д. Казакова о том, как в двух километрах от Сабанера в местечке Куженер был открыт монастырь ([Ради спасения души, № 594](#)). Построен он был на средства яранского купца Фёдора Яковлевича Рощина. Изначально купец собирался открыть обитель в своём родном городке, но когда пришёл за благословением к вятскому архиерею, тот спросил: «А почему бы вам не построить монастырь в другом месте? Скажем, в Уржумском уезде?» И рассказал яранскому купцу, что в местечке Куженер, в семи верстах от села Токтай-Беляк, есть в лесу ключ, который исстари почитают местные черемисы за чудесный, веря, что вода его исцеляет от глазных болезней. А ещё рассказал епископ, что уржумские эти черемисы до сих пор наполовину язычники. В то же время есть в Куженере несколько православных послушниц, которые бы хотели стать монахинями. Вот для просвещения одних и спасения других там нужен монастырь.

Откуда архиерей, сидевший в Вятке, знал все эти подробности? В Интернете – энциклопедии «Википедия» – нашёл я такой факт: «В 1884 году в Куженере у святого ключа была построена православная часовня. Первой выразила желание поселиться при часовне Екатерина Матвеевна Смоленцева, дочь крестьянина из деревни Большой Сабанер». Получается, из тех «православных послушниц», о которых говорил владыка, первой была родная сестра Фёдора Матвеевича. Это подтверждают и предания, сохранившиеся в семье Смоленцевых. Также в них говорится, что Фёдор Матвеевич, будучи волостным старостой, ходил в Вятку к архиерею с просьбой открыть обитель у источника. Вот откуда владыка узнал об этом. Между тем крестьянин своим ходатайством сделал сразу три дела: порадел о спасении своей души, пристроил сестру в монастырь и... загрузил заказами свой кирпичный цех. Монастырь-то из его кирпичей предстояло строить. Дела земные и дела духовные у русского человека как-то сходились вместе, подкрепляя друг друга.

К весне 1897 года в роще у святого ключа вместе с Екатериной Смоленцевой жили уже восемь сестёр – фактически образовался монастырёк. Вскоре началось и строительство обители. 31 декабря 1901 года Святейший Синод официально учредил Куженерско-Николаевский женский монастырь. Насельницами его стали, помимо сестёр Фёдора Матвеевича (вместе с Екатериной упоминаются имена Евникии и Людмилы Смоленцевых), и другие местные женщины, а также дочь купца Анна Рощина. Как говорилось в указе об учреждении обители, она должна была стать очагом просвещения местного населения, в том числе и светского. Там же говорится и об учреждении при храме школы для девочек, которая начала действовать сразу же, ещё до официального открытия монастыря. Из этой школы впоследствии вышло много замечательных земских учительниц. Монастырь разрастался, строились здания. Открылась иконописная мастерская, позолотная по дереву. Насельницы занимались рукоделием, башмачным, столярным, токарным делом. Работали на скотном дворе, в саду, огороде. Духовное влияние обители на округу было столь велико, что после революции коммунисты с его закрытием не тянули. В 1919 году на базе монастырского хозяйства (9 зданий, 10 га пахотной земли, 12 лугов, огород, лошади, коровы) была открыта школа имени III Интернационала.

Ныне Никольская церковь в Куженере размещается в бывшей трапезной Свято-Никольского женского монастыря. Возрождение храма началось в 1996 году.

Лев Николаевич Смоленцев вспоминал: «После революции монастырь закрыли, в нём сделали среднюю школу, в которой я учился. Тёти мои остались жить в небольшом монастырском домике. Время тогда было голодное, и я постоянно бегал к ним подкрепиться. Местные жители за их монашеские молитвы приносили пожертвования, а они отдавали их детям».

Хуторяне

Собирая материал для книги, позвонил я в Нижегородскую область Валентину Николаевичу Смоленцеву – старшему брату писателя. Попросил его составить подробные воспоминания о детстве. И пенсионер, бывший учитель немецкого языка, прислал целое повествование. Я был поражён: какой замечательный слог, образность! Откуда эта писательская струнка в их роду?

Валентин Николаевич начал так: «И я, и сестра Людмила, и братья Лев и Николай родились на хуторе Солоницына в Уржумском уезде Вятской губернии. Наш отец, Николай Фёдорович Смоленцев, родившийся в 1893 году, был вторым мужем Елизаветы Александровны Солоницыной (в девичестве – Ветлужских). Первый муж Елизаветы, Александр Солоницын, владелец приметного хутора а-ля по Столыпину, покориł её сердце, когда она была очень молода – только два года проработала учительницей в начальной школе села Никольское после окончания гимназии. Замужество было недолгим. В 1918 году Солоницына застрелила в его собственной бане налетевшая будто бы революционная команда известных в округе “удалых молодцов”, угадав в нём белого офицера. Наверное, в глаза им бросилась хозяйственность и культурность хозяина хутора. На самом же деле он “белой косточкой” не был, а служил в Первую мировую всего лишь денщиком офицера. Почти сразу после совершения расправы Мухин явился в дом к овдовевшей внезапно женщине и заявил: “Забирай своего в бане...” Жена нашла любимого человека бездыханным, окровавленным.

Прошло время. В тех местах крутился новый военком, призывавший парней в Красную армию. Высокий, красивый, удалой. Звали его Николай Смоленцев. Демобилизованный из Петрограда моряк-радист. Один из его друзей нацелил его подкатиться к зажиточной вдовушке. И получилось, что бывший краснофлотец “принялся” в крестьянский дом полностью и окончательно – оставил даже службу военкома».

Надо сказать, что до революции Николай Смоленцев, родом из крестьян, служил на личной яхте государя Николая II «Полярная звезда». Это был довольно большой корабль – 349 человек экипажа, 50 человек прислуги. Впоследствии он использовался в советском флоте как плавбаза подводных лодок. После отречения царя Смоленцев продолжил службу.

Николай Смоленцев – в центре

«Наступил 1930 год, – рассказывает дальше Валентин Николаевич. – Отца зазывали возглавить колхоз, который в ту пору был новинкой. Он отказался: “Отвечаю только за себя, а за лентяев – ни-ни”. Однажды под вечер в наш домик-временку нагрянули сельсоветчики. Были они с понятами. Я наблюдал за процессом с полатей. Мама сидела за столом. Один из понятых уселся рядом и запросил молока с хлебом. Мама встала и всё подала. Тем временем шла перепись всего имущества,

которое подлежало конфискации. Перечислялась недвижимость старого, солоницынского, и нового подворья. На новом отец уже построил конюшню, коровник, навес для тарантаса и сельхозтехники, амбары и колодец. С прошлого лета на добротном фундаменте были подняты и первые венцы жилого дома... Во время описи отца не было. Когда он вернулся из Вятки, то написал письмо с обличением несправедливости и послал его в Москву “всесоюзному старосте” Михаилу Ивановичу Калинин. Отчётливо помню такую картину. Глядя на портрет Сталина, папа очень внятно произнёс: “От этого грузина зависит теперь вся наша жизнь!” Ответ из Москвы не заставил ждать: всё решит местная власть. Так нас “раскулачили”, отца при этом направили на принудработы под Нижний Новгород.

Николай Смоленцев на принудработках в Балахне

А жизнь не стояла на месте. Спустя пару месяцев, весной, Елизавета Александровна должна была родить ребёнка. Предвкушая это событие, поручив нас добрым соседям, мама заблаговременно отправилась в Шурму, на свою родину и к родному отцу. И когда она переправлялась по вешней воде на другой берег Вятки, начались предродовые схватки, уже на лодке. Дерзали лодочники, держалась изо всех сил роженица, а потом пружинился в первом крике колобок новой жизни. Всё обошлось на удивление счастливо. Так 16 апреля 1931 года родился последний сын Смоленцева, Николай. А впереди ждали испытания...»

О том, как Смоленцевых выселяли из дома, Лев Николаевич рассказал в уже упоминавшейся рукописи «Житие по Сталину»: «На белом свете я жил уже пятый год. Кое-что понимал и запомнил... На нашем дворе стоит понуро добрая лошадка-трудяга Ласка, впряжённая чужим мужиком в сани-розвальни. Солнце, капель, грачи на берёзах. В новом нашем доме, построенном родителями, с утра хозяйничают вожаки из Комитета бедноты. Нас – восьмилетнего хромого Вальку, шестилетнюю шустрю Люську и меня, Лёвку, одетых матерью наспех в семь одежек (отберут же, ироды!), – вывели к саням. Вальке мать всунула в руки хороший медный самовар с ликами какой-то царской четы над краном. До саней он донёс-таки семейную реликвию. И хотел было упрятать под солому. Но возчик узрел...

– Погодь, погодь, гадёныш! Мои шшенята отродесь из самовару чаю не хлёбывали.

Сопротивление, конечно, было оказано по-детски отчаянное. Но куда там, если вятч чаю из такого сверкающего красавца отродясь не пивал. Были такие семьи на вятских скудных увалах. И немало. Увезли нас, дав под варево и кипяток два чугунка и милостиво разрешив набрать в погребе мешок картошки и насыпать из полных сусеков полмешка муки».

Об этом переезде в «хибару» старший брат Льва Николаевича вспоминает: «Хорошо помню, наверное, середину апреля 1932 года. Должно быть, мать хозяйку, без хозяина мужа прозябавшую, об отъезде предупредили заранее. Под вечер, с набегом уже сумерек, появились лошадь и сани с мужиком-кучером. Мама погрузила на крестьянский транспорт связанный в узлы и мешки скарб: одежонку, постель, малость посуды да утвари, командует нам троим, самодвижущимся детям, разместиться наверху. Сама с грудным Колей на руках патриарше восседает рядом.

Куда нас везли и сможем ли мы там осушиться, нам не объявляли. Ездовой наш был на удивление молчалив. Оказалось, что целью санного маршрута был починок посёлка Вознесенский. Дарован нам был сельсоветом ущербный деревянный бедняцкий дом. Фактура его слагалась из одной комнатёнки с русской малюсенькой печкой... Уже в час водворения в эту избу мы познакомились с засильем тараканов. Ночью же, расположившись спать на брошенных на пол двух матрацах, телами своими откормили клопов и вшей. Такой “комфорт наоборот”, выходит, доказывал нам равенство с самыми неопратно-замызганными нищими слоями русского народа.

На следующий день мама организовала “субботник”. Всё моется, скребётся, протирается керосином, что-то выбрасывается как негодное. Мама идёт к соседям и приносит молоко, картошку, капусту, горох. Что-то пошло на обмен, что-то люди просто так дали, жалая нас. Но жить на подаяние мама не собирается, пока руки и ноги шевелятся. После таяния снега, в апреле-марте, на клочке земли рядом с избой мама закладывает грядки с картошкой и овощами. Мы ей помогаем, в том числе Лёва – будущий учёный-агроном... Так началась наша новая жизнь».

Псалмы в подземелье

Валентин Николаевич вспоминает дальше: «Огород-то мы разбили. Но пока урожай вырастет, питаться чем-то надо. В Пасху, в первый день её, мама направляет меня и Люсю, самых старших (а Лёве тогда было всего шесть лет), на паперть ближней церкви – в село Манылово. Добираемся туда с бачком, каковой обычно использовали для кипячения белья, догадавшись привязать к двухколёсной каталке. И вот мы восселись на ступенях паперти. Молчаливые, едва ли что-нибудь просящие. А молва прихожанок ширилась уже в приближении к нам: “Да ведь это Лизины ребята – беда-то её...” Наш ёмкий бачок наполнялся на глазах. Удивляло нас пасхальное милосердие. Мы по-детски радовались, забыв о своей вынужденной нищете. Говорили и “спасибо”, и крестились во славу Христа. А бачок уже по самый верх зарастал пирогами, ватрушками, яйцами, варёным мясом, мёдом в какой-нибудь “черепеньке”, то бишь в глиняном горшочке... Кто-то из крестьян доставил и подаяния, и нас на тарантасе к нашему временному жилищу – это версты за три.

На три-четыре дня наш обеденный стол от завтрака до ужина был полон пасхальных яств. Мама хранила продовольствие в погребе, набитом предусмотрительно утоптанном снегом до его ещё прощального таяния. Такой погреб таился во внутреннем дворе нашего новоселья и от мира солнечного был укрыт непутёвым дощатым навесом».

От детства обычно остаются только светлые воспоминания. Вот и Валентину Николаевичу запомнилась Пасха – день, когда сытно поели. А Льву Николаевичу запомнилось Рождество, поскольку на этот раз просить милостыню отправился он вместо старшего брата. Впрочем, воспоминание это не столь светлое. В рукописи «Жития по Сталину» есть такой эпизод:

«Отца мы ждали, кормясь подаянием, и лето, и зиму тридцать уже первого года. Помню, снарядила нас мать в Рождество за милостыней Христа ради в село подальше, где “враженок” не знали. Наказывала: “Только у церкви постойте, пока обедня. И сразу бегите домой с чем есть”.

Не знаю, либо кто-то нас надоумил походить по домам (здесь, мол, несут батюшке), то ли сами (Люська и я, у Вали открылся костный туберкулёз) додумались поколядовать да и увлеклись щедротами отмякших в церкви селян. Спихватились к вечеру.

В потёмках в чистом поле завывала пурга. Мы забились под хлебную скирду-кладуху. Ночь простучали зубами, а к утру сникли в своей одежке на рыбьем меху... И быть бы нам там, под скирдой, до весны ледышками, если бы не наш лучший друг, соседский пёс Полкан. Матушка (болела она тогда, жить ей не хотелось, да мы на руках) умолила соседа после Рождества съездить, поискать нас. Он уже возвращался ни с чем, но Полкан, видимо, с такой потерей не был согласен, учуял под снегом следы наших полубосых ног, ведущие к кладухе. Пробился к нам. Завизжал, залаял. Меня выволок за шиворот.

Люблю с тех пор собак. Чуть ли не больше, чем иных людей...»

Да, люди были разные, и требовалось различать, кто есть кто. Тогда же, в начале 30-х, явилась в хибару лишенцев женщина из соседней деревни. Сетуя на неграмотность, попросила «бывшую учительку» написать ей заявление о выходе из колхоза. Елизавета резко отшила эту «антиколхозницу», сразу догадавшись о провокации. Видимо, кто-то хотел окончательно добить «кулацкую семейку», отправив мать в места заключения, а детей рассовать по приютам и детдомам.

Между тем Елизавета Смоленцева, учительница старых, ещё царских времён, была верна себе. Ни бедность, ни физическая немощь, ничто другое в её глазах не могли оправдать необразованность – эта максима стала потом семейной чертой Смоленцевых. Валентин Николаевич рассказывает:

«Маме не давала покоя тревога обо мне. Было мне 10 лет, но из-за туберкулёза костей и язвы на ноге я ни одного дня не был в школе. Научить меня чтению и письму маме удалось быстро. Метод установила такой: вот тебе старая книга, вот тебе карандаши – пиши между строк дневник. В нём отмечай всё, что случается за день: когда встал, что делал сам, чем занимались Люся и Лёва, куда ходила днём я... Это была хорошая школа.

Лето 32-го года подобралось уже к июлю... Занятые прополкой грядок у изгороди своего подворья, я и мама заметили вышагивающего по краю клеверного поля мужчину. Внимание матери было молчаливо-сосредоточенным. И вдруг она нарушила тишину: “Идёт отец. Это он, Валя”.

Уже на второй день отец пешком отправился к своему отцу – в деревню Большой Сабанер. Цель его путешествия была проста: узнать, сможет ли Фёдор Матвеевич принять в свой дом семью “блудного сына” числом в шесть человек. Через три дня, вернувшись в починок Вознесенский, отец объявляет план неотложной эвакуации.

Мы уходим навсегда с вятских увалов в родовое гнездо, крепко свитое Каллистой Смоленским в медоносных марийских дубравах. Отшагать нам надо от реки Вятки до самых верховьев её притока Немды сто вёрст. Нашему «боярскому» дому (так будем величать его) в 1930 году мы насчитали по страховой таблице на стене сто семьдесят три лета. Даже в таком почтенном возрасте хоромы (низ – кирпичный, верх – сосновый) завораживали нас, детей, вырвавшихся из плена вятской хибарки. Он был двухэтажным, на кирпичном фундаменте. Стены из кондовой сосны. Пол застлан толстенным тёсом. Крыша сбита из досок в два слоя. Сени второго этажа, куда вела ладная лестница с балясинами, удивляли размером. По их периметру размещались чуланы под крупу, муку, горох, яблоки.

Во время коллективизации Фёдора Матвеевича однозначно причислили к потомственным кулакам. Крупногабаритную живность его отняли в колхоз. А свой кирпичный цех он сам передал в колхоз ещё до всякого раскулачивания. И в добрый помин нашего деда – он не

погнушался быть сторожем кирпичного производства, охраняя уже не свою, а кооперативную собственность.

Главным работником и добытчиком стал наш отец, выполнявший строительные подряды. Помню, мальчонкой помогал ему разламывать подспудную печь под Никольским приделом церкви в селе Куженер. Печь после закрытия церкви под клуб бездействовала, кирпич понадобился на ремонт школьных печей.

Мы отдыхали. Отец – бывший морской телеграфист – во что-то напряжённо вслушивался. Я, наверное, чем-то помешал ему.

– Ты, баловник, вслушайся-ко, вслушайся. Воскресная служба (отец превосходно пел). Я тёток своих голоса различаю, которые монахинями монастыря были... Ты ухом к стене-то прижмись.

И верно: служба мало-помалу зазвучала и во мне...»

Смерть и возрождение

Всё в той же неопубликованной рукописи «Житие по Сталину» Лев Николаевич писал о той поре: «Помню, в голодном 1933 году, в весеннюю пору, на двор к Фёдору Матфеевичу снова заявились сельсоветчики с активистами ещё раз раскулачивать (деду 83 года!) бывшего “эксплотатора”. Живности ни у деда, ни у нас никакой. Пришли описывать пустующие добротные постройки: каретник, амбар и... баню. Нас, ссыпавшихся по лестнице с верхнего этажа поглазеть на советскую власть, дед строгим окриком усадил в рядок подле себя на скамейку.

– Не хныкать, не скулить, ни слезинки штоб!

Подносят Фёдору Матфеевичу протокол “обобществления”: подписывай, мол. Дед и в таких годах читал без очков, глянул:

– Вы вот што, комиссары, баню-то почто описали? Обовшивеет ведь подрост-от (на нас бородой показывает). А им коммунизм строить. Вшивой коммунизм-то у вас получится...

1943 г. Льва Смоленцева только что призвали на войну

Баню нам оставили. Да голый дом с воротами, за которыми пустое поле... Но за двенадцать лет жития подле Фёдора Матвеевича не слышал я горького сожаления ни по обрушенному четырёхвековому хозяйству, початому сыном боярским Каллистой Смоленским, ни по минувшей жизни...»

«Не слышал горького сожаления...» Совсем по-евангельски: простите, и вы прощены будете. А ведь все эти экспроприатчики всё время были перед его глазами, в одном же селе жили. Скорее всего, знал старик и тех, кто погубил его сына Николая.

Спустя годы его внук, Лев Смоленцев, в архивах найдёт примечательный документ и обратит внимание на подпись под ним.

«ХАРАКТЕРИСТИКА на г-на Смоленцева Николая Фёдоровича. Происходит из зажиточного рода царских сотрапов. Отец был волостным старшиной, имел с/х

машины и кирпичный завод, эксплуатировал крестьян-бедняков. Смоленцев Н.Ф. в царское время служил на флоте мичманом на яхтах Николая II. В 1928–1929 гг. был лишён избирательных прав и раскулачен. После чего приехал к отцу со своей семьёй, где притаился бедняком-кустарём. Во время проживания занимался вражеской агитацией среди колхозников за разложение колхозов. Председатель с/совета А. Смоленцев».

«А ведь нет сомнений в том, что этот А. Смоленцев – нашего же родового корня, от «царского сотрапа» Каллисты Смоленского», – запишет потом Лев Николаевич в свой дневник. По этому доносу его отца арестовали и сослали неведомо куда. За одной бедой последовали другие. Началась война. Потом ещё одна смерть...

«22 января 1942 года я запомнил навсегда, – рассказывал писатель. – Рано утром дед мой, Фёдор Матвеевич, наколот дров, истопил печи, нагрел воду и сказал мне: «Чтоб к обеду был, я отходить буду». Я не поверил ему: «Куда тебе отходить, ты ещё поживёшь». Тогда он прищипнул меня: «Сказано, чтоб к обеду был!» Дед зажёл кругом свечи, до обеда молился. После обеда вымылся, надел на себя чистое бельё, призвал к себе мою мать и долго исповедовался ей в своих грехах. Тогда священников не было, а без покаяния дед умирать не хотел. Мать у меня работала простой учительницей. После исповеди он подозвал меня к постели. Я встал перед ним на колени. Дед положил руку на мою голову и благословил. Потом сложил крестообразно руки на груди, глубоко вздохнул и отошёл в вечность...»

В ту пору Лёва работал в колхозе до изнеможения – «всё для фронта». В 43-м его призвали в армию. После капитуляции Японии в 45-м оказался в Корее в составе советской миссии, учил корейцев водить «Студебекеры». В 50-м году вернулся домой с офицерскими погонами, стал преподавать в школе, женился на учительнице. Уже в 51-м году родилась дочь Надя (в будущем – учёный, сотрудница Московского сельскохозяйственного НИИ), а в 53-м на свет появился и наследник – сын Евгений.

Война с Японией. Л. Смоленцев (справа) у своего «Студебекера»

Всё это время Лев Николаевич пытался выяснить судьбу своего отца, но получал неопределённый ответ: сослан в лагеря на Север. В тот же год «по призыву 30-тысячников» он тоже отправился на Север, в Сыктывкар. Взял с собой не только жену и детей, но и маму Елизавету Александровну. Бывшая хуторянка, учительница царских ещё времён нянчила внуков, а потом, когда они подросли, занималась с ними. Евгений вспоминает: «Бабушка Лиза проводила с нами что-то вроде уроков труда, и это тоже было обязательным. Хочешь не хочешь, а с 11 до 12 сидишь над рукоделием: сёстры вышивали, я лепил фигурки животных». Эта замечательная русская женщина прожила долго, похоронили её на сыктывкарском кладбище. Спустя десятилетия рядом с ней после отпевания в храме лёг и её сын – Лев Смоленцев.

В заключение надо сказать и о судьбе Николая Фёдоровича Смоленцева. Лишь только в 91-м году стало известно, что он был осуждён «тройкой» за якобы «активное участие в СОФИНе – заговорщицком союзе освобождения финских народностей» и расстрелян 2 октября 1938 года в Мендурском лесу под Йошкар-Олой. Вместе с сыном Евгением Лев Николаевич ездил туда на перезахоронение останков и отпевание по православному обряду. Всю жизнь он жалел, что Николай Фёдорович унёс с собой тайну своей рукописной книги «На “Полярной звезде”». О существовании рукописи знали только самые близкие друзья матроса-крестьянина, один из них просил Льва найти её среди дедовских книжек. Но ко времени окончания войны старый дом вместе с книжарней был снесён из-за кирпичного фундамента, разобранного на колхозные нужды. Что было в той рукописи? Матрос-крестьянин, конечно, многое мог вспомнить. Известно, что на своей яхте император Николай II и члены его Августейшей Семьи держались демократично, общались и с простыми матросами – а Смоленцев ведь был мичманом, обеспечивал связь, то есть находился в гуще событий.

Такова история рода Смоленцевых. И чего ж удивляться, что один из современных потомков Каллисты, отдав большую часть жизни сельскому хозяйству, вдруг стал известным на Севере писателем, явив такие книги, как «Голгофа России» и «Чаша спасения». Он был из тех русских, что стояли крепко на земле, но духом устремлялись к Небу.

*Михаил СИЗОВ
Фото из семейного архива
Е. Л. Смоленцева*

Председатель колхоза Л.Н. Смоленцев (в плаще) шагает по селу Усть-Цильма. «Внимая пятками земле...»

<http://www.rusvera.mrezha.ru/628/10.htm>